КАТЕГОРИЗАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИММИГРАЦИОННОЙ СТАТИСТИКЕ АРГЕНТИНЫ, 1880-1914

Dzianis Limarau

Asociación de la Comunidad Rusohablante, asociación civil
Buenos Aires, 2026

DOI: 10.5281/zenodo.22183912
Публикуется на условиях лицензии CC BY 4.0

ГРНТИ 03.81.35, 05.11.27, 05.21.21; UNESCO 5204.03, 5204.05, 5203.02; OECD FOS 6.01 История и археология

Рекомендуемая ссылка: Limarau, D. (2026). Категоризация выходцев из Российской империи в иммиграционной статистике Аргентины, 1880-1914. Препринт. Asociación de la Comunidad Rusohablante. DOI 10.5281/zenodo.22183912

Содержание

Содержание 2
Цель исследования 2
Адресаты исследования 3
Резюме 3
1. Введение 4
2. Концептуальная рамка: категория как исторический факт 5
  2.1. Два принципа классификации 5
  2.2. Определение категории «ruso» и категории «миграция из Российской империи» 5
  2.3. Ответ на возражение 5
  2.4. Почему поток стал невидим: два лица одного слова 6
3. Методология 6
  3.1. Общий замысел 6
  3.2. Матрица «массив - признак» 7
  3.3. Выбор эмпирического среза 7
  3.4. Источники 8
  3.5. Ограничения методологии 8
4. Как считала Аргентина 8
  4.1. Закон 817 и устройство ведомства 8
  4.2. Форма записи в Hotel de Inmigrantes 8
  4.3. Три переписи - три разных вопроса 9
5. Пересчет: кто стоял за словом «ruso» 10 мая 1895 года 9
  5.1. Официальная картина 9
  5.2. Реконструкция по переписным листам 10
  5.3. Сколько «rusos» были евреями 11
  5.4. Остаток: кто еще 12
  5.5. Weser, 1889-1895: что осталось от первого контингента 12
6. Систематические смещения 13
  6.1. Галицийские евреи как «австрийцы» 13
  6.2. Немцы Поволжья и меннониты как «немцы» 13
  6.3. Кодировка вместо опроса 13
  6.4. Первый класс и обратная миграция 14
7. Как ошибка вошла в историографию 14
8. Предложение: аналитическая категория «миграция из Российской империи» 15
9. Заключение: пересчет 16
  9.1. Итог аргумента 16
  9.2. Результат пересчета 17
  9.3. Ограничения 17
  9.4. Программа дальнейшей работы 17
Приложение. Сводная матрица источников 19
Источники 19
Рекомендуемая литература 21

Цель исследования

Цель исследования - установить, как аргентинская иммиграционная статистика 1880-1914 годов конструировала категорию «ruso», кто в действительности стоял за этой категорией на измеримую дату, и предложить аналитический инструмент, позволяющий вернуть в историографию поток иммигрантов из Российской империи как единый объект.

Для целей исследования под категорией «ruso» понимается запись в графе «nacionalidad» регистрационных книг Dirección General de Inmigración и в переписных листах, производившаяся по подданству или стране рождения в границах на момент опроса. Под миграцией из Российской империи понимается аналитическая категория, определенная в разделе 8; термин используется как обобщающий, поскольку в источниках соответствующая группа обозначается разными словами либо не выделяется вовсе.

Для этого решаются три задачи:

1. Описать процедуру учета - закон 817/1876, устройство Dirección General de Inmigración, форму записи в Hotel de Inmigrantes, вопросы переписей 1869, 1895 и 1914 годов - и показать, от каких обстоятельств зависела запись «ruso».
2. Пересчитать состав категории «ruso» на дату переписи 10 мая 1895 года, сопоставив официальные итоги с реконструкцией по первичным переписным листам и с общинными списками, и измерить направление и величину систематических смещений.
3. Разобрать три сложившихся историографических нарратива, сформулировать аналитическую категорию «миграция из Российской империи» с операциональными критериями отнесения и определить программу полной реконструкции за 1880-1914 годы.

Адресаты исследования

Исследование адресовано прежде всего историкам миграции в Аргентине и Латинской Америке, в первую очередь читателям журнала Estudios Migratorios Latinoamericanos, а также исследователям, работающим внутри трех сложившихся нарративов, еврейского, немецко-поволжского и украинского: предлагаемая категория не конкурирует ни с одним из них.

Хранителям первичных массивов, Centro de Estudios Migratorios Latinoamericanos (CEMLA), Museo de la Inmigración (MUNTREF), Archivo General de la Nación, Staatsarchiv Hamburg и архиву Jewish Colonization Association, оно предлагает метод, рассчитанный на совместную работу с их фондами.

Сравнительный материал и приложение рассчитаны на самостоятельное использование исследователями и организациями, работающими с историей миграции.

Резюме

Аргентинское государство в 1880-1914 годах учитывало иммигрантов по подданству, а не по языку, вере или самоидентификации. Выходцев из Российской империи официальная классификация преимущественно сводила в одну графу - «ruso», хотя часть их попадала в другие рубрики. Внутри графы: ашкеназские евреи черты оседлости, немцы Поволжья, украинцы, поляки Царства Польского, литовцы, латыши, бессарабцы, меннониты Причерноморья, старообрядцы, финны. За

ее пределами: евреи Галиции, записанные как «austríacos», и выезжавшие через Гамбург и Бремен, нередко фиксировавшиеся как «alemanes». Отсюда исходный тезис исследования: категория «ruso» не описывала существующую группу; это административная классификация, которая впоследствии приобрела в обиходе значения, не совпадающие с исходным.

Затем аргентинская историография произвела обратное разделение: единый миграционный поток был разложен на не связанные между собой еврейскую, немецкую и украинскую истории, и сам поток из описания исчез. Сквозного исследования миграции из одного государства в одну страну за одно и то же тридцатилетие практически нет.

Методология. Исследование сочетает количественную реконструкцию по перекрестным источникам и историю понятий применительно к слову «ruso». Эмпирический срез - вторая национальная перепись 10 мая 1895 года: единственная дата периода, для которой официальные итоги по стране рождения и вероисповеданию можно сопоставить с независимой реконструкцией по первичным переписным листам, выполненной Яаковом Рубелем для еврейского населения, и с общинными списками ЕКО. Официальная графа «ruso» сверяется с этими массивами как с контрольным измерением.

Основные результаты. На 10 мая 1895 года перепись насчитала 15 047 уроженцев Российской империи. Из них от 6 800 до 7 100 (45-47 процентов) были евреями; остальные 7 900-8 300 - немцами Поволжья, славянским крестьянством и прочими подданными империи. Официальный учет вероисповедания не досчитал минимум четверти еврейского населения страны (6 085 против 8 265 по переписным листам, то есть 26 процентов установленной по листам численности) и почти полностью исключил из него детей, родившихся в Аргентине. Из 818 пассажиров парохода Weser, открывшего еврейскую колонизацию в 1889 году, через шесть лет в колониях удалось обнаружить не более 473. Из четырех систематических смещений категории три получают на срезе численную оценку; четвертое, главное для интервала, запись немцев Поволжья как «alemanes», ограничено сверху остатком в 8 300 человек.

Предложение. Вводится аналитическая категория «миграция из Российской империи» с тремя операциональными критериями: критерий исхода (место последнего проживания в границах империи, независимо от паспорта и порта), критерий фиксации (совпадение не менее двух независимых массивов; ономастика не используется как самостоятельный критерий) и критерий описания (язык, вера, губерния исхода как три независимые оси). Пересчет численности формулируется не цифрой, а интервалом с перечнем источников погрешности.

1. Введение

14 августа 1889 года в Буэнос-Айрес прибыл пароход Weser из Бремена с группой из 818 человек из Подольской губернии, первым организованным контингентом евреев Российской империи [DAIA 1939; Avni 1983]. В регистрационной книге Departamento General de Inmigración в графе «nacionalidad» против их имен стоит одно слово: ruso. Запись соответствовала паспортам. Но ни в российской статистике, ни в самоназвании прибывших такой категории не было: она возникла из встречи имперского документа с аргентинской формой учета. В последующие десятилетия это слово будет означать в Буэнос-Айресе еврея, в провинциальных колониях светловолосого крестьянина, а в полицейском языке анархиста. Настоящее исследование о том, кого в действительности покрывала эта запись и как она разошлась со своим исходным содержанием.

К переписи 1914 года почти 30 процентов жителей Аргентины родились за границей; ни одна страна мира не принимала в ту эпоху такого потока в пропорции к собственному населению. Государство классифицировало прибывающих по единственному признаку - «nacionalidad», под которой на практике понималось государство, выдавшее проездной документ, либо страна рождения в границах на момент опроса. Для унитарных государств Западной Европы принцип работал сносно. Для многонациональных империй Восточной Европы он давал систематическое искажение, и Российская империя - самый крупный и самый показательный случай.

Обычная реакция историка на такую категорию - объявить ее ошибкой и разобрать на «настоящие» составляющие. Настоящее исследование исходит из противоположного: категория «ruso» есть исторический факт, требующий объяснения, а не исправления. Она существовала в ведомостях, переписных листах, полицейских протоколах и разговорном языке; она определяла, как государство видело новоприбывшего и как его называли соседи. В аргентинском испанском слово «ruso» на протяжении большей части XX века означало прежде всего еврея [Gobello 1990], и связь этого значения со статистической процедурой - одна из гипотез, которые исследование ставит.

Аргентинская историография миграции детально разработана для итальянцев и испанцев [Devoto 2003; Baily 1999; Moya 1998]. Выходцы из Российской империи изучаются раздельно по конфессиональным и этническим линиям: иудаика отдельно [Avni 1983; Lewin 1974; Mirelman 1988; Rubel 2013, 2017], немцы Поволжья отдельно [Popp y Dening 1977; Weyne 1986], украинцы Мисьонеса отдельно [Wasylyk 1981; Snihur 1997]. Сквозного исследования потока по признаку исхода из одного государства практически нет. Это и есть ниша настоящего исследования и цикла, который оно открывает.

2. Концептуальная рамка: категория как исторический факт

2.1. Два принципа классификации

Аргентинская статистика и аргентинская историография классифицируют одних и тех же людей по разным критериям: первая по принадлежности к государству, безотносительно к народу, вторая по принадлежности к народу, безотносительно к государству. Само по себе различие этих принципов классификации не создавало бы трудности, если бы каждый из них сохранял целостность объекта. Статистика сохраняет поток как целое, но не раскрывает его внутреннего состава; историография восстанавливает этот состав, но разделяет поток на части, которые рассматриваются независимо друг от друга.

2.2. Определение категории «ruso» и категории «миграция из Российской империи»

Категория «ruso» определяется здесь строго как запись в источнике: в графе «nacionalidad» регистрационной книги Hotel de Inmigrantes, в графе страны рождения переписного листа, в ведомственных Memorias. Это не свойство человека, а свойство документа. Ядро множества «rusos» составляют подданные Российской империи с российским заграничным паспортом. Периферию - лица, записанные «ruso» ошибочно (например, румынские или галицийские евреи по внешним признакам), и, зеркально, подданные империи, записанные под другими этикетками.

Категория «миграция из Российской империи» определяется как аналитическая: множество лиц, чье последнее постоянное место проживания перед эмиграцией находилось в границах империи на

дату выезда, независимо от подданства по документу, порта посадки и записи при въезде. Категория безразлична к мотиву: экономический мигрант из Волыни и беженец от погрома из Кишинева входят в нее на равных. Безразлична она и к последующей судьбе: реэмигрант в США и колонист третьего поколения входят в нее по факту выезда. Наконец, она не есть этноним и не претендует на самоидентификацию: человек из Бердичева, говоривший на идише и читавший по-русски, описывается тремя координатами, а не одним словом.

2.3. Ответ на возражение

Возможное возражение: не является ли предлагаемая категория лишь возвращением к тому же имперскому принципу классификации, который историография с полным основанием отвергла, а «миграция из Российской империи» - просто «ruso», переписанным академическим языком?

Категория «ruso» была категорией государства-получателя и производилась при высадке по документу; предлагаемая категория производится историком по месту исхода, восстанавливаемому из независимых источников. Они совпадают в ядре и расходятся на периферии, и именно расхождение есть предмет измерения. Кроме того, новая категория не заменяет этнических и конфессиональных описаний, а надстраивается над ними: внутри нее состав описывается по трем осям без сведения к одному слову. Наконец, ее оправдание - исследовательская полезность, а не онтология: она позволяет задавать вопросы, которые внутри этнических нарративов не возникают (кто ехал на одном судне, селился в одной провинции, проходил одну процедуру записи), и проверять ответы на общих для всех слоев массивах. Границы историографических категорий - продукт исследовательского выбора, и выбор здесь делается в пользу той, которая соответствует организации самих источников.

2.4. Почему поток стал невидим: два лица одного слова

Остается объяснить, почему поток из Российской империи как целое не стал предметом систематического анализа. Источники сохраняют целостность: в регистрационной книге колонист ЕКО и поволжский немец записаны на соседних строках одного рейса; в переписи 1895 года те и другие стоят в одной строке «rusos». Разъединение произошло на стороне читателя. Еврейские, немецкие и украинские архивы и общинные историки читали в источниках своих; для каждого из них остальные пассажиры того же судна были шумом. Возникает круг невидимости: чем полнее каждый нарратив описывает свою часть потока, тем менее заметно, что части принадлежат одному целому, и тем более обоснованным кажется вывод, что целого нет.

Разъединение произошло и вне кабинетов, в разговорном языке. В словаре лунфардо Хосе Гобельо «ruso» толкуется как обозначение еврея [Gobello 1990]. В городе слово оторвалось от паспорта и закрепилось за тем слоем потока, который был виден горожанину повседневно. Показательна реакция Альберто Герчуноффа, уроженца Тульчина: свою книгу к столетию Майской революции он назвал «Los gauchos judíos», а не «Los gauchos rusos», отделив собственное имя группы от административного.

В провинциях с немецкими и славянскими колониями слово, по свидетельствам мемуарной литературы, относилось к другому человеку: светловолосому крестьянину на земле. «Diccionario de americanismos» помечает аргентинское значение «persona de religión judía» как устаревшее [ASALE 2010]; современная пресса связывает слово с внешностью, а не с происхождением, и приводит в пример носителей прозвища с польскими фамилиями [Infocielo 2024]. Эти

свидетельства разнородны по статусу и не позволяют датировать сдвиг; они фиксируют лишь его наличие.

Гипотеза, которую они подсказывают, такова: слово прошло путь от подданства (запись в паспорте) к народу (тот, кого видели рядом) и далее к внешности (тот, кто выглядит как «ruso»), и два несовместимых образа - городской еврей и сельский светловолосый колонист - суть след двух слоев одного потока, разошедшихся по городу и деревне. Проверка этой гипотезы по словарям, прозвищам и литературным текстам - задача отдельной статьи цикла (раздел 9.4). Для настоящей статьи достаточно отметить, что ни одно из зафиксированных словарями значений слова не совпадает с исходной административной категорией.

Настоящее исследование стремится разорвать круг невидимости, читая источники по единице их собственной организации: по строке переписи, где все слои потока еще стоят вместе.

3. Методология

3.1. Общий замысел

Исследование выполнено в жанре количественной реконструкции по перекрестным источникам, дополненной историей понятий. Это не архивная монография и не обзор литературы. Предмет лежит на пересечении двух традиций - демографической истории миграции и истории статистических категорий [Otero 1997-1998], - использующих разные понятийные аппараты. Поэтому применяется структурированное сопоставление по единой матрице, что обеспечивает воспроизводимость: любой исследователь, применив ту же матрицу к тем же массивам, придет к сопоставимым результатам.

3.2. Матрица «массив - признак»

Единица анализа - дата переписи: момент, когда государство одновременно фиксирует всех уроженцев империи, находящихся в стране, по единому признаку страны рождения. Для этой даты сопоставляются четыре массива, фиксирующие одних и тех же людей с разной целью и разной степенью независимости от государственной классификации. Каждый массив оценивается по пяти признакам: наличие имени (ключ сопоставления), наличие записи о подданстве или стране рождения, наличие вероисповедания, кем и когда произведена запись, независимость от официальной кодировки.

Таблица 1. Массивы и признаки аналитической матрицы

Массив (строки)	Ключ	Подданство / страна рождения	Вера	Кем и когда записано	Независимость от кодировки
Официальные итоги переписи 1895 г. (Tomo II)	нет (агрегат)	есть	есть (только некатолики)	кодификаторы переписи, 1895-1898	нет: сама кодировка
Первичные переписные листы 1895 г. (реконструкция Рубеля)	имя, возраст	есть (самодекларация)	есть, с исправлениями	переписчики колоний, 10.05.1895	высокая: до кодировки

Списки ЕКО и DAIA (Weser, группа Гродно)	имя, состав семьи	есть (губерния)	подразумевается	община, 1889-1895; публикация 1939	полная
Memorias и регистрационные книги DGI	имя (книги), агрегат (Memorias)	есть (nacionalidad)	есть	инспектор при высадке	нет: источник категории

Помимо сопоставимости на одну дату матрица дает проверку основного тезиса: если официальная строка «rusos» и независимые массивы дают несовместимые между собой множества, смещение категории измеримо; если множества совпадают, тезис о направленном искажении требует пересмотра.

3.3. Выбор эмпирического среза

Полная реконструкция потока 1880-1914 годов по судовым рейсам требует архивной работы, несоразмерной формату препринта (раздел 9.4). Эмпирическая часть построена на одном срезе - переписи 10 мая 1895 года. Выбор обусловлен состоянием источников. Это единственная дата периода, для которой существует независимая реконструкция по первичным переписным листам: Яаков Рубель просмотрел листы всех еврейских колоний ЕКО, города Буэнос-Айреса и десятков провинциальных городов и опубликовал результаты с разбивкой по стране рождения [Rubel 2013, 2017]. Для этой же даты есть поименные списки первого контингента (Weser, DAIA 1939) и группы Гродно (ЕКО, 1894), а также официальные итоги по стране рождения и вере (Segundo Censo, Tomo II). Пересечение четырех массивов на одну дату позволяет измерить смещение, а не оценивать его по порядку величины.

3.4. Источники

Анализ опирается на четыре типа источников: официальные публикации переписи 1895 года (Tomo II, таблицы по стране рождения и вероисповеданию); реконструкции по первичным переписным листам [Rubel 2013, 2017]; общинные списки и мемуары [DAIA 1939; Cociovich 1987; Alpersohn 1992]; вторичную литературу трех национальных нарративов и общей истории аргентинской миграции. Для утверждений о составе потока приоритет отдается сопоставлению первого и второго типов; там, где реконструкции по листам нет (немцы Поволжья, славянское крестьянство), используются границы, вытекающие из арифметики самой переписи, с оговоркой об их природе.

3.5. Ограничения методологии

Реконструкция по переписным листам существует только для еврейского населения; для немцев Поволжья и славянского крестьянства состав категории «ruso» оценивается как остаток, а не прямо. Для города Буэнос-Айреса доля родившихся в России среди евреев известна лишь как интервал: Рубель установил общую численность (на 50,3 процента выше официальной), но его разбивкой по стране рождения для столицы настоящее исследование не располагает. Срез 1895 года не репрезентативен для потока в целом: массовый выезд славянского крестьянства западных губерний начался после 1897 года, и результаты не переносятся на 1900-1914 годы без отдельной проверки. Наконец, ведомственные ряды и перепись охватывают разные множества: закон 817 исключал пассажиров первого класса из числа иммигрантов, и образованное меньшинство потока

в ведомственные массивы не попало, тогда как перепись учитывала всех, и ее срез полнее любого ряда прибытий.

4. Как считала Аргентина

4.1. Закон 817 и устройство ведомства

Статья 25 Конституции 1853 года обязывала федеральное правительство поощрять европейскую иммиграцию и запрещала ограничивать въезд иностранцев, прибывающих обрабатывать землю, развивать промышленность и преподавать науки и искусства. Закон 817 «Об иммиграции и колонизации» от 19 октября 1876 года (закон Авельянеды) создал Departamento General de Inmigración, впоследствии Dirección General de Inmigración, и определил, кто считается иммигрантом: иностранец, прибывший во втором или третьем классе с намерением поселиться. Ведомство ежегодно публиковало Memorias с таблицами прибытий по «nacionalidad», полу, возрасту, семейному положению, вероисповеданию и профессии. Многолетний директор Хуан Алсина (Juan A. Alsina, 1890-1910) свел ряды в книге «La inmigración en el primer siglo de la independencia» [Alsina 1910]. Все последующие сводные цифры, включая широко цитируемые «около 160 тысяч rusos за 1881-1914 годы», восходят к этим таблицам, и ни одна из них не может быть точнее процедуры записи, их породившей.

4.2. Форма записи в Hotel de Inmigrantes

Процедура выглядела так. Судовой манифест, составленный пароходной компанией в порту отправления, передавался инспектору при высадке. Инспектор переносил данные в регистрационную книгу; при расхождениях или отсутствии документа записывал со слов, чаще всего через переводчика. Графа «nacionalidad» заполнялась по паспорту, при его отсутствии - по манифесту. Отдельной графы для места рождения, родного языка или этнической принадлежности не было; вероисповедание записывалось, но, как показывает практика переписей, без систематической проверки.

Запись «ruso», таким образом, зависела прежде всего от документа: подданный империи с российским паспортом получал ее независимо от языка и веры. Но между паспортом и книгой стояли еще два звена. Манифест HAPAG или Norddeutscher Lloyd составлял немецкий клерк, для которого посадка в Гамбурге и немецкая речь пассажира из Поволжья были достаточным основанием для записи «Deutscher»; инспектор и переводчик при высадке, в свою очередь, могли поставить имя, фамилию и облик выше документа. Что записи при высадке терялись физически, документировано: список группы Гродно, вышедшей из Либавы 11 ноября 1894 года и прибывшей в Буэнос-Айрес 27 декабря, не найден ни в Archivo General de la Nación, ни в базе CEMLA [Rubel 2017].

4.3. Три переписи - три разных вопроса

Переписи 1869, 1895 и 1914 годов дали несопоставимые результаты, потому что задавали разные вопросы. Перепись 1869 года спрашивала о nacionalidad без уточнения. Перепись 1895 года добавила вероисповедание, но инструкция переписчикам гласила: поскольку почти все население католическое, спрашивать о вере только при основаниях полагать, что опрашиваемый не католик, и записывать одним словом; если католик - оставлять строку пустой [Segundo Censo, т. II, с. CXXI].

Ответы «judío» и «hebreo» кодификаторы не приравнивали к «israelita». Перепись 1914 года сохранила вопросы о вере и стране рождения, но не спросила о языке. Ни одна из трех переписей не позволяет отделить русских от нерусских уроженцев империи; 93 634 «родившихся в России» по переписи 1914 года - верхняя граница множества, о внутреннем составе которого перепись молчит.

Эрнан Отеро показал, что переписные категории Аргентины 1869-1914 годов были инструментом конструирования нации, а не описания населения [Otero 1997-1998]. Категория «ruso» - частный случай этого механизма: она служила государству для деления иностранцев по государствам-контрагентам, а не для понимания, кто именно приехал. Сомоса и Латтес, анализировавшие выборки листов 1869 и 1895 годов, констатировали, что публикация итогов не пригодна для современного демографического анализа [Somoza y Lattes 1967].

Таблица 2. Три переписи с точки зрения категории «ruso»

Перепись	Вопрос о происхождении	Вопрос о вере	Что позволяет установить
1869	nacionalidad	нет	только подданство
10.05.1895	страна рождения	да, при сомнении в католичестве	страну рождения; веру с систематическим недоучетом
1.06.1914	страна рождения	да	страну рождения и веру; язык и народность не устанавливаются

5. Пересчет: кто стоял за словом «ruso» 10 мая 1895 года

5.1. Официальная картина

Вторая национальная перепись насчитала 3 954 911 жителей, из них 1 004 527 иностранцев. Уроженцев Российской империи - 15 047, десятая по величине группа иностранцев, 0,38 процента населения. Для сравнения: уроженцев Германии - 17 143, Австро-Венгрии - 12 803, Румынии - 119, Османской империи - 876 [Segundo Censo, т. II]. В таблице вероисповеданий перепись насчитала 6 085 «israelitas»: 753 в столице и 5 332 в провинциях, из них 3 880 в Энтре-Риос, 721 в Санта-Фе, 670 в провинции Буэнос-Айрес, 47 в Кордове и 14 в остальных [Segundo Censo, т. II, cuadro XIX b, c. CLXXIX].

Перепись фиксировала страну рождения, а не подданство. Это другая переменная, чем «nacionalidad» регистрационных книг: она не меняется при натурализации, но и не покрывает детей, родившихся уже в Аргентине, так что задаваемые двумя процедурами множества совпадают в ядре и расходятся на краях. Далее слова о категории «ruso» на срезе 1895 года означают строку уроженцев Российской империи, и все количественные утверждения этого раздела относятся к ней, а не к ведомственной графе «nacionalidad». Две официальные цифры - 15 047 уроженцев России и 6 085 иудеев - в самой переписи никак не соотнесены: перекрестной таблицы «страна рождения на вероисповедание» перепись не публиковала. Сколько «rusos» были евреями, а сколько евреев - «rusos», из официальных итогов установить нельзя. Именно эту связь восстанавливает реконструкция по первичным листам.

Таблица 3. Перепись 10 мая 1895 года: строки, релевантные категории «ruso»

Показатель	Значение	Источник
Население (без коренного)	3 954 911	Segundo Censo, т. II
Иностранцы	1 004 527	там же
Родившиеся в Российской империи («rusos»)	15 047	там же
Родившиеся в Германии («alemanes»)	17 143	там же
Родившиеся в Австро-Венгрии	12 803	там же
Родившиеся в Румынии	119	там же
«Israelitas», официально, вся страна	6 085	там же, cuadro XIX b
из них столица	753	там же
из них Энтре-Риос / Санта-Фе / пров. Буэнос-Айрес	3 880 / 721 / 670	там же

5.2. Реконструкция по переписным листам

Яаков Рубель просмотрел оригинальные переписные листы 1895 года, хранящиеся в Archivo General de la Nación и оцифрованные FamilySearch, сначала для города Буэнос-Айреса [Rubel 2013], затем для провинций [Rubel 2017]. Метод: поименная идентификация лиц, записанных как «israelita», «judío», «hebreo» либо с пустой графой веры при очевидно еврейских именах, с последующей сверкой по спискам ЕКО и DAIA. Результаты для провинций сведены в таблице 4.

Таблица 4. Еврейское население провинций и колоний по переписным листам 1895 года [Rubel 2017]

Единица	Официально «israelitas»	По листам, всего	Из них родились в России	Доля родившихся в России
Moisés Ville - Palacios (Санта-Фе)	721 (вся провинция)	877	738	84,1%
Colonia Mauricio (пров. Буэнос-Айрес)	670 (вся провинция)	1 174	964	82,1%
Колонии ЕКО в Энтре-Риос	3 880 (вся провинция)	4 607	4 335	94,1%
Marcos Juárez (Кордова)	47 (вся провинция)	41	≈ 41	почти все
Ашкеназы в городах провинций	-	256	127	65,1% от родившихся за границей
Марокканские евреи в провинциях	-	226	0	0%
Провинции, итого	5 332	7 133	≈ 6 205	≈ 87%

Столица	753	≈ 1 132 (+50,3% к официальному итогу)	интервал: 566-906	50-80% (допущение)
Страна, итого	6 085	≈ 8 265	6 771-7 111	82-86%

Для настоящего исследования эта реконструкция ценна прежде всего тем, что в колониях ЕКО переписчиками были сами колонисты: они заполняли листы на идише и проставляли веру автоматически, без вопроса, так что страна рождения в этих листах - самодекларация общины, а не запись инспектора. Она же показывает, что происходило с листами дальше. Официальные кодификаторы систематически их отбрасывали: в Mauricio из 1 174 евреев, учтенных по листам, в итоги попали 670 на всю провинцию, то есть не менее 504 человек, 43 процента, были исключены на стадии обработки; в Энтре-Риос расхождение составило 727 человек из 4 607 (15,8 процента), в Moisés Ville 156 из 877 (17,8 процента). Детей, родившихся в Аргентине у еврейских родителей, кодификаторы почти не учитывали как иудеев: 2 против 119 в Moisés Ville, 3 против 191 в Mauricio, 94 против 243 в Энтре-Риос. Процедура, которая на причале превращала подольского еврея в «ruso», в переписи превращала его аргентинского сына в католика по умолчанию.

Рубель зафиксировал и обратный случай производства категории: опрошенные, ответившие на вопрос о национальности «israelita» или «judío», были закодированы как родившиеся в Палестине, хотя все указывает на Россию [Rubel 2017]. Кодификатор, столкнувшись с самоназванием, которого в его номенклатуре не было, приписал ему территорию.

5.3. Сколько «rusos» были евреями

Сопоставление таблиц 3 и 4 дает первый количественный результат. Родившихся в Российской империи евреев на 10 мая 1895 года было от 6 771 до 7 111 человек: 6 037 в трех колонизационных массивах, около 41 в Marcos Juárez, 127 в провинциальных городах и от 566 до 906 в столице (интервал построен на допущении, что доля уроженцев империи среди евреев Буэнос-Айреса лежала между 50 и 80 процентами; столичная община 1895 года была смешанной, с западноевропейским и марокканским слоями). Это 45-47 процентов строки уроженцев империи. Остальные 7 936-8 276 человек в этой строке (53-55 процентов) евреями не были.

Таблица 5. Разложение официальной категории «ruso» на 10 мая 1895 года

Компонент	Численность	Основание
Официально родившихся в Российской империи	15 047	Segundo Censo, т. II
из них евреи, колонии ЕКО (три массива)	6 037	Rubel 2017, cuadros 4, 6, 9
из них евреи, Marcos Juárez и провинциальные города	≈ 168	Rubel 2017, cuadro 11
из них евреи, столица	566-906	Rubel 2013; допущение 50-80%
Евреи, итого	6 771-7 111 (45-47%)	сумма
Остаток: неевреи, родившиеся в империи	7 936-8 276 (53-55%)	разность

5.4. Остаток: кто еще

Остаток в 7 900-8 300 человек - это немцы Поволжья и Причерноморья, поляки, литовцы, украинцы, белорусы, финны и собственно русские, записанные по стране рождения как уроженцы империи. Реконструкции по переписным листам для этих групп нет, и их внутреннее соотношение из переписи не выводится. Но перепись задает жесткую верхнюю границу для главного из них. Немцы Поволжья прибывали с января 1878 года; первые два контингента того года насчитывали свыше двух тысяч человек, а за 1878-1913 годы через порт Буэнос-Айреса, по подсчетам общинной историографии, прошло порядка двадцати тысяч [Popp y Dening 1977]. К 1895 году, после семнадцати лет притока и высокой рождаемости в альдеях, число уроженцев империи среди них должно было исчисляться тысячами. Все они, если были записаны по стране рождения, вошли в остаток; и весь остаток, включая славян и русских, не превышает 8 300 человек. Уроженцы Поволжья сверх этого потолка внутри строки «ruso» находиться не могли; наиболее вероятная рубрика их учета - «alemanes» (17 143), где они оказались бы наряду с уроженцами Германской империи, но возможны и ошибки кодировки, и невключение в соответствующий массив. Различить эти варианты можно только по листам.

Таким образом, на 10 мая 1895 года строка уроженцев Российской империи представляла собой множество, чуть меньше половины которого составляли евреи черты оседлости, а чуть больше половины - немецкоязычные и славянские крестьяне, причем часть немецкоязычных уроженцев империи в нее не попала вовсе. Евреи, единственный прямо измеренный слой, большинства не составляли; соотношение внутри остатка перепись не раскрывает; и ни один слой не совпадал со словом.

5.5. Weser, 1889-1895: что осталось от первого контингента

Поименный список пассажиров Weser, опубликованный DAIA к пятидесятилетию колонизации, содержит 818 имен [DAIA 1939]. Рубель сопоставил его с переписными листами Moisés Ville - Palacios: 10 мая 1895 года в зоне первой колонии жили 223 человека из этого списка; за шесть лет у семей Weser родилось там 67 детей, и вместе они составляли 33,1 процента еврейского населения колонии. Еще около 250 человек из группы Weser были переведены по решению полковника Голдсмида в Энтре-Риос, преимущественно в Colonia Clara, и обнаруживаются в тамошних листах [Rubel 2017; Avni 1983]. Итого в колониях через шесть лет удалось локализовать не более 473 из 818 (58 процентов). Остальные 345 в рассмотренных колониальных листах не найдены; среди возможных причин переезд в города, реэмиграция в империю, отъезд в третьи страны и смертность, но их вклад из этих источников не устанавливается.

Эта цифра важна для чтения любых ведомственных рядов: 818 записей «ruso» в книге 1889 года и 223 уроженца России в колонии 1895 года - одни и те же люди, учтенные двумя государственными процедурами с разницей в шесть лет, и через шесть лет в рассматриваемой колонии фиксируется лишь часть первоначального контингента. Категория «ruso» в Memorias измеряет вход, перепись - остаток; поток между ними ни одна из них не описывает.

6. Систематические смещения

Смещения категории «ruso» имеют направление, заданное самой процедурой записи. Четыре из них различимы на уровне процедуры; для трех срез 1895 года дает численную оценку, для четвертого - границу.

6.1. Галицийские евреи как «австрийцы»

Евреи Галиции - подданные Австро-Венгрии - ехали теми же маршрутами, селились в тех же колониях и городских кварталах и в обиходе назывались теми же «rusos», но в ведомости попадали в графу «austríaco». По критерию исхода (раздел 8) они в категорию «миграция из Российской империи» не входят, и это смещение ее не искажает; оно важно для смежной категории «миграция из Галиции» и для истории самого слова «ruso», которое в обиходе покрывало обе группы. Срез 1895 года показывает, что для первой колонизационной волны величина смещения ничтожна: среди 4 607 евреев колоний Энтре-Риос родившихся вне России и Аргентины было 29 (0,6 процента), в Mauricio 19 (1,6 процента), в Moisés Ville 20 (2,3 процента); среди 195 ашкеназов провинциальных городов, родившихся за границей, уроженцев Австрии было 5 [Rubel 2017]. Галицийский поток - явление после 1900 года.

6.2. Немцы Поволжья и меннониты как «немцы»

Это главное смещение интервала, и оно действует в противоположную сторону: занижает «ruso» и завышает «alemán». Немецкоязычный подданный империи, севший на судно Norddeutscher Lloyd в Бремене, мог получить в манифесте запись «Deutscher», а аргентинский инспектор, слыша немецкую речь, не имел оснований ее исправлять; переписчик 1895 года, спрашивая о стране рождения на испанском у крестьянина, отвечавшего по-немецки, мог записать то же. Прямого измерения срез не дает, но дает границу: все немцы Поволжья, попавшие в строку уроженцев империи, умещаются в остаток 7 936-8 276 человек вместе со славянами и русскими (раздел 5.4). Если к 1895 году уроженцев империи среди немцев Поволжья было больше, чем этот остаток за вычетом славян, разница учтена вне строки «ruso»; куда именно она отнесена, из переписи не видно. Прямое измерение требует реконструкции по переписным листам немецких колоний Энтре-Риос и Олаваррии тем же методом, каким Рубель обработал еврейские (раздел 9.4).

6.3. Кодировка вместо опроса

Третье смещение действует не при высадке, а при обработке. Инструкция 1895 года предписывала спрашивать о вере лишь при сомнении в католичестве; кодификаторы не приравнивали «judío» к «israelita», отбрасывали часть листов колоний и почти не относили к иудеям детей, родившихся в стране. Величина измерена Рубелем; доля считается здесь от численности, установленной по листам, а не от официального итога: недоучет евреев по провинциям 25,2 процента (5 332 официально против 7 133 по листам), по столице 33,5 процента (753 против примерно 1 132), по стране 26,4 процента (6 085 против примерно 8 265); недоучет аргентинских детей еврейских родителей в колониях - в пять и более раз [Rubel 2013, 2017]. Для категории «ruso» это означает, что даже там, где перепись располагала признаком, способным уточнить ее состав, процедура обработки обесценивала результат.

6.4. Первый класс и обратная миграция

Два смещения, не связанных с этнонимом, но искажающих любую оценку численности. Первый класс, исключенный законом 817 из числа иммигрантов, оставил образованное меньшинство потока вне ведомственных массивов; перепись, в отличие от ведомства, учитывала всех. О масштабе обратной миграции и внутренней мобильности говорит случай Weser: из 818 человек через шесть лет в колониях локализовано не более 473 (раздел 5.5). Для ведомственных рядов прибытий это задает порядок поправки: не менее двух пятых первого контингента к 1895 году в колониях отсутствовало, и никакой ряд прибытий этого не отражает.

Таблица 6. Систематические смещения категории «ruso» на срезе 1895 года

Смещение	Направление	Источник измерения	Оценка
Галицийские евреи как «austríaco»	не искажает «ruso»; занижает смежную категорию	листы колоний: родившиеся в третьих странах	0,6-2,3% колонистов; 5 из 195 горожан
Немцы Поволжья и меннониты как «alemán»	занижает «ruso», завышает «alemán»	арифметика переписи: остаток	все «rusos»-неевреи ≤ 8 276; уроженцы Поволжья сверх этого учтены вне строки «ruso»
Кодировка вместо опроса	занижает признак веры внутри «ruso»	листы против итогов	-25,2% по провинциям, -33,5% по столице (доли от численности по листам); дети в 5 и более раз
Первый класс; реэмиграция и мобильность	разрыв между рядом прибытий и наличным населением	список Weser против листов 1895	локализовано ≤ 58% через шесть лет

7. Как ошибка вошла в историографию

Государство соединило под одним словом людей, не считавших себя одним народом. Историография сделала обратное: разъединила их по признакам, которых государство не спрашивало. Оба хода объяснимы, и оба теряют часть реальности.

В рассмотренных работах еврейского нарратива не ставится вопрос о том, что еврейская колонизация была одним из потоков одной и той же эмиграции из одного государства; что колонисты ЕКО ехали на одних судах с поволжскими немцами и селились в тех же провинциях; что в переписи 1895 года они составляли меньше половины строки, в которую попали. Не ставится в этой литературе и вопрос об усвоении самого слова «ruso» его носителями (раздел 9.4). Показательно, что даже реконструкция Рубеля, самая точная работа по источникам 1895 года, спрашивает, сколько было евреев, а не кем были остальные 8 000 человек в той же строке.

В немецком нарративе полтора столетия в Российской империи остаются фоном, хотя они сделали поволжских немцев подданными этого государства не только формально: они уехали именно из-за реформы 1874 года, то есть из-за российской политики, а не германской; их записи «ruso» в

аргентинских книгах отражали реальную правовую связь, а не ошибку клерка. Тот же подход объясняет и отсутствие реконструкции по переписным листам немецких колоний: в использованной здесь общинной литературе вопрос, сколько ее людей перепись сочла «rusos», а сколько «alemanes», не поставлен.

В украинском нарративе, отсчитываемом от Галиции, российский поток с Волыни и Подолии, шедший параллельно, но под другой категорией, в рассмотренных работах не рассматривается и потому выпадает из «истории украинцев Аргентины», хотя по языку и вере принадлежит ей в той же мере.

У слова «ruso» был и политический регистр, в котором различия внутри категории значения не имели. В январе 1919 года, во время Трагической недели, еврейские кварталы Буэнос-Айреса, прежде всего Онсе, стали объектом нападений полиции и вооруженных гражданских групп. В языке репрессии обозначения «ruso», «judío», «maximalista» и «bolchevique» частично накладывались друг на друга: предполагаемый «русский» революционный заговор превращал еврейское население в одну из основных мишеней преследования [Koppmann y Asquini 2020]. Категория, созданная для учета, сработала здесь как категория для удара и объединила тех, кого три нарратива описывают порознь; систематический разбор этого регистра слова вынесен в отдельную статью цикла (раздел 9.4).

Общий итог трех нарративов: в рассмотренной литературе поток из Российской империи не описан как единый объект, а его численность (те самые «около 160 тысяч») кочует по справочной литературе без источника и без оценки погрешности.

Таблица 7. Три нарратива: что каждый видит и чего не видит

Нарратив	Точка отсчета	Что видит	Чего не видит
Еврейский	черта оседлости, погромы, ЕКО	колонизацию, общинные институты, идишскую культуру; состав своей группы по листам 1895 г.	общего рейса и общей строки переписи с другими слоями; усвоение и переосмысление категории «ruso» самими мигрантами
Немецко-поволжский	Рейн - Волга - Ла-Плата	сельский уклад, приходы, диалекты	российского подданства как реальной связи; собственного распределения между «ruso» и «alemán»
Украинский	Галиция, Апостолес 1897	колонизацию Мисьонеса, «Просвиту»	российского потока с Волыни и Подолии под категорией «ruso»

8. Предложение: аналитическая категория «миграция из Российской империи»

Исследование предлагает надстроить над статистическим «ruso» и над историографическими этническими ярлыками единую аналитическую категорию с тремя операциональными критериями отнесения; каждый опирается на источники, уже использованные в разделе 5.

Критерий исхода задан самим определением категории: место последнего постоянного проживания перед эмиграцией лежит в границах Российской империи на дату выезда, что бы ни стояло в паспорте, где бы ни была посадка и что бы ни записал инспектор. Это включает выехавших через Германию и записанных «alemán» и исключает галицийцев, для которых вводится смежная категория «миграция из Галиции», сопоставимая по методу.

Критерий фиксации: отнесение производится только при совпадении не менее двух независимых массивов, например переписного листа и записи ЕКО или регистрационной книги и приходской метрики. Ономастика, фамилия и имя, не используется как самостоятельный критерий, поскольку именно она порождала ошибки инспекторов и кодификаторов; Рубель использовал ее лишь для исправления пустых граф при наличии других признаков.

Критерий описания: внутри категории состав описывается по трем осям, язык повседневного общения, вероисповедание, губерния исхода, без сведения к одному этнониму. Срез 1895 года показывает, зачем это нужно: 15 047 «rusos» распадаются как минимум на идишеязычных иудеев (45-47 процентов) и немецкоязычных христиан и славян (53-55 процентов), а строка «alemanes» содержит часть того же потока.

Категория не отменяет ни еврейской, ни немецкой, ни украинской истории; она возвращает общий знаменатель, который у этих историй был в источниках и который они утратили в изложении. Вопрос о языке она оставляет открытым: для большинства участников потока 1880-1914 годов русский не был родным, и называть этот поток «русскоязычным» предлагаемая категория оснований не дает. Соотношение между исходом из одного государства и общим языком - предмет отдельного исследования.

9. Заключение: пересчет

9.1. Итог аргумента

Исследование начиналось с вопроса: кого считала аргентинская статистика, записывая «ruso», и кого потеряла историография, отказавшись от этого слова?

Категория «ruso» была свойством документа, а не человека. Она зависела от паспорта, пароходной компании, инспектора и кодификатора и производилась государством для его собственных целей. Существующую группу она не описывала; она создала административную категорию, которая впоследствии приобрела в аргентинском обиходе значения, не совпадающие ни с ее исходным содержанием, ни друг с другом.

Состав этой категории на измеримую дату установлен. 10 мая 1895 года из 15 047 уроженцев Российской империи евреями были от 6 771 до 7 111 человек, то есть 45-47 процентов; остальные 53-55 процентов - немецкоязычное и славянское крестьянство и прочие подданные. Евреи,

единственный прямо измеренный слой, большинства не составляли. Верхняя граница для всех неевреев внутри строки - 8 276 человек, и, судя по арифметике переписи, часть немецкоязычных уроженцев империи в эту строку не попала.

Три нарратива историографии, разделив поток по признакам, которых государство не спрашивало, потеряли то, что государство сохраняло: единство исхода. Любой пересчет численности, не сопровождаемый интервалом и перечнем смещений, воспроизводит ту же ошибку, что и категория, которую он пытается исправить.

9.2. Результат пересчета

Результат пересчета записывается так. Официально «ruso» по переписи 10 мая 1895 года - 15 047. Евреи внутри этой цифры - 6 771-7 111. Неевреи внутри этой цифры - 7 936-8 276. Подданные империи вне этой цифры, учтенные под другими рубриками, - величина не измеренная; ее измерение требует реконструкции по переписным листам немецких колоний. Официальный учет вероисповедания не досчитал 26,4 процента еврейского населения страны, установленного по листам. Относительно страны рождения данные допускают гипотезу о занижении миграции из Российской империи, но ни ее величина, ни сам факт систематического переноса уроженцев Поволжья в другие рубрики прямо не показаны и остаются задачей следующего этапа.

Источники погрешности: интервал 50-80 процентов для доли уроженцев империи среди евреев столицы (вклад 340 человек в ширину вилки); возможные пересечения между массивами Рубеля (порядок десятков); неполнота просмотра листов провинциальных городов, которую сам автор реконструкции оценивал как продолжающуюся; отсутствие независимой реконструкции для немецких и славянских колоний.

9.3. Ограничения

Из ограничений, изложенных в разделе 3.5, три прямо задают границы выводов. Срез 1895 года не репрезентативен для потока в целом и не допускает экстраполяции на 1900-1914 годы, когда состав категории «ruso» изменился за счет славянского крестьянства. Разложение категории прямо измерено только для еврейского слоя; остальные слои оценены как остаток. Столичная доля уроженцев империи среди евреев принята как интервал, а не установлена.

9.4. Программа дальнейшей работы

Исследование открывает цикл, и дальнейшая проверка идет по нескольким направлениям.

Ближайший шаг - реконструкция по переписным листам 1895 года для немецких колоний Энтре-Риос и Олаваррии тем же методом, каким Рубель обработал еврейские: она закроет главное неизмеренное смещение и даст прямое, а не остаточное разложение категории «ruso». Листы оцифрованы FamilySearch и доступны без архивного визита.

За срезом должен последовать поток: перекрестное чтение регистрационных книг Hotel de Inmigrantes (база CEMLA) и гамбургских и бременских пассажирских списков по единице «судовой рейс» для 1889-1895 годов. Гамбургские списки сохраняют место последнего проживания, которое аргентинская книга теряет; расхождение в графе «nacionalidad» по одному рейсу есть прямое измерение смещения при высадке. Случай группы Гродно, вышедшей из Либавы, показывает, что часть рейсов шла из российских портов и в немецких списках отсутствует.

Тот же метод применим к переписи 1914 года, где 93 634 уроженца империи должны быть разложены с поправкой на славянское крестьянство западных губерний, массово поехавшее после 1897 года.

Российские массивы, дела о выдаче заграничных паспортов (РГИА) и консульские донесения из Буэнос-Айреса (АВПРИ), нужны для оценки доли легального выезда и для проверки аргентинских записей с российской стороны.

Отдельной статьи требует история понятия «ruso» в трех регистрах, ведомственном, переписном и разговорном, включая политическое значение слова после закона 4144 (1902), дела Радовицкого (1909) и Трагической недели (1919), и сопоставление с категориями «turco» и «austríaco», построенными по тому же принципу подданства.

Приложение. Сводная матрица источников

Таблица A1. Первичные массивы для среза 1895 года и для последующих этапов: доступность и охват

Массив	Хранитель	Охват	Форма доступа	Ограничения
Segundo Censo Nacional, Tomo II (1898)	Biblioteca Nacional; Dirección Provincial de Estadística (Buenos Aires), PDF	10.05.1895	публикация, онлайн	агрегаты; нет перекрестной таблицы «страна рождения на веру»
Переписные листы 1895 г.	Archivo General de la Nación; FamilySearch	вся страна	оцифровано, поименный поиск	реконструкция выполнена только для евреев
Реконструкции Рубеля	Judaica Latinoamericana VII, VIII (AMILAT)	столица; провинции и колонии	публикация, онлайн	столичная разбивка по стране рождения не приведена
Список пассажиров Weser	DAIA, «50 años de colonización judía» (1939)	один рейс, 818 имен	публикация	реконструкция 50 лет спустя
Записи ЕКО	Central Archives for the History of the Jewish People, Иерусалим	с 1891, ретроспективно 1889	запрос	только колонисты; горожане не охвачены
Регистрационные книги Hotel de Inmigrantes; база CEMLA	MUNTREF; CEMLA	1882-1960	читальный зал; запрос выгрузки	утраты (список группы Гродно не найден); nacionalidad без места рождения
Hamburger Passagierlisten; бременские списки	Staatsarchiv Hamburg; Die Maus	полный / фрагментарный	оцифровано / онлайн	только рейсы из немецких портов
Memorias DGI 1880-1914	Biblioteca del Museo de la Inmigración (DNM)	без 1889, 1890, 1892	читальный зал, копирование	агрегаты по nacionalidad

Источники

Источники сгруппированы по разделам исследования. Диапазоны страниц и лет даны через дефис.

Первичные массивы и ведомственные публикации (разделы 3, 4, 5)

Segundo Censo de la República Argentina, mayo 10 de 1895. Buenos Aires: Taller Tipográfico de la Penitenciaría Nacional, 1898, т. II (население по стране рождения; cuadro XIX b, с. CLXXIX, население по вероисповеданию; с. CXXI, инструкция переписчикам).

Primer Censo de la República Argentina, 1869. Buenos Aires, 1872.

Tercer Censo Nacional levantado el 1 de junio de 1914. Buenos Aires, 1916-1917, тт. II-III.

Ley 817 de Inmigración y Colonización, 19 de octubre de 1876, República Argentina.

Memorias de la Dirección General de Inmigración, годовые выпуски 1880-1914, Buenos Aires.

Alsina, Juan A. La inmigración en el primer siglo de la independencia. Buenos Aires, 1910.

Delegación de Asociaciones Israelitas Argentinas (DAIA). 50 años de colonización judía en Argentina. Buenos Aires, 1939 (поименный список пассажиров парохода Weser).

Cociovich, Noé. Génesis de Moisés Ville. Buenos Aires, 1987 (испанский перевод мемуаров, изданных на идише IWO в 1947).

Alpersohn, Marcos. Colonia Mauricio: 30 años en la Argentina. Memorias de un colono judío. Carlos Casares: Comisión de Homenaje al Centenario de Mauricio, 1992.

Centro de Estudios Migratorios Latinoamericanos (CEMLA), база данных прибытий в порт Буэнос-Айреса, 1882-1960.

Museo de la Inmigración (MUNTREF), регистрационные книги Hotel de Inmigrantes.

Staatsarchiv Hamburg, Hamburger Passagierlisten, 1850-1934.

Jewish Colonization Association, архив (Central Archives for the History of the Jewish People, Jerusalem).

Реконструкции по переписным листам и история статистических категорий (разделы 2, 4, 5, 6)

Rubel, Yaacov. La población judía de Buenos Aires según el Censo Nacional de 1895: el análisis de las cédulas censales originales como fuente de hallazgos que modifican los datos oficiales. В сб.: AMILAT (coord.), Judaica Latinoamericana VII. Jerusalem, 2013, с. 119-148.

Rubel, Yaacov. Perfil socio-demográfico y distribución geográfica de judíos en las provincias argentinas, según el Censo Nacional de 1895. В сб.: AMILAT (coord.), Judaica Latinoamericana VIII. Jerusalem, 2017, с. 71-109 (текст доступен на amilat.online).

Somoza, Jorge L.; Lattes, Alfredo E. Muestras de los dos primeros Censos Nacionales de población, 1869 y 1895. Buenos Aires: Instituto Torcuato Di Tella, Centro de Investigaciones Sociales, 1967.

Otero, Hernán. Estadística censal y construcción de la Nación: el caso argentino, 1869-1914. Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana Dr. Emilio Ravignani, 3-я серия, № 16-17, 1997-1998.

Rosenswaike, Ira. The Jewish Population in Argentina: Census and Estimate. Jewish Social Studies, 1960, vol. 22, no. 4.

Словари лунфардо и региональной лексики (раздел 2.4)

Gobello, José. Nuevo diccionario lunfardo. Buenos Aires: Corregidor, 1990, статья «ruso».

Conde, Oscar. Diccionario etimológico del lunfardo. Buenos Aires: Taurus, 2004.

Asociación de Academias de la Lengua Española (ASALE). Diccionario de americanismos. Madrid: Santillana, 2010, статья «ruso, rusa» (значение для Аргентины и Уругвая помечено obsol.).

Academia Porteña del Lunfardo. Todotango, Diccionario lunfardo, статья «ruso» (онлайн).

Infocielo. El estigma argentino de ser llamado «ruso» sin ser de Rusia. Buenos Aires, 2024 (пресса; используется как свидетельство современного узуса).

Три нарратива и общая история миграции (разделы 1, 5, 7)

Avni, Haim. Argentina y la historia de la inmigración judía (1810-1950). Buenos Aires: Milá, 1983.

Lewin, Boleslao. Cómo fue la inmigración judía a la Argentina. Buenos Aires, 1974.

Mirelman, Víctor. En búsqueda de una identidad: los inmigrantes judíos en Buenos Aires, 1890-1930. Buenos Aires: Milá, 1988.

Feierstein, Ricardo. Historia de los judíos argentinos. Buenos Aires: Planeta, 1993.

Koppmann, Walter L.; Asquini, Sabrina E. Espías, rusos y maximalistas en el verano de 1919. La Semana Trágica revisitada desde las fuentes diplomáticas y periodísticas. Estudios, № 44, 2020, pp. 165-183. DOI: 10.31050/re.vi44.28069.

Popp, Víctor P.; Dening, Nicolás. Los alemanes del Volga: tras largo peregrinar por Europa hallaron patria definitiva en América. Buenos Aires, 1977.

Weyne, Olga. El último puerto: del Rhin al Volga y del Volga al Plata. Buenos Aires, 1986.

Wasylyk, Miguel. Inmigración ucrania en la República Argentina. Buenos Aires, 1981.

Snihur, Esteban. De Ucrania a Misiones. Apóstoles, 1997.

Devoto, Fernando. Historia de la inmigración en la Argentina. Buenos Aires: Sudamericana, 2003.

Gerchunoff, Alberto. Los gauchos judíos. La Plata, 1910.

Рекомендуемая литература

Baily, Samuel L. Immigrants in the Lands of Promise: Italians in Buenos Aires and New York City, 1870-1914. Ithaca, 1999.

Moya, José C. Cousins and Strangers: Spanish Immigrants in Buenos Aires, 1850-1930. Berkeley, 1998.

Brubaker, Rogers. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996 (гл. о категориях национальности в многонациональных империях).

Cadiot, Juliette. Le laboratoire impérial: Russie-URSS, 1860-1940. Paris, 2007 (учет народности в российской статистике).